

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**
25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
и 88

Авторы:

Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева

Редакторы:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев. К акцентуации праславянских <i>o</i>- и <i>u</i>-основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах</i>	5
<i>Сладжана М. Цукут. Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах</i>	149
<i>С. В. Князев. Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон</i>	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие</i>	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько. Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования</i>	236
<i>А. В. Малышева. Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья</i>	260
<i>М. Н. Толстая. Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая</i>	282
<i>Ж. Ж. Варбом. Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i></i>	302
<i>Н. Е. Ананьева. Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами</i>	305
<i>Т. В. Шалаева. Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)</i>	316
<i>А. Б. Коконова. Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах</i>	326
<i>Д. Н. Гальцова. Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах</i>	334
<i>А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

*Н. И. Муравлева
(Москва)*

Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево

В статье публикуются нарративы на македонском языке, записанные во время экспедиции 2023 года (Борисов, Кикило, Немчинов 2024) у информантов — представителей македонского меньшинства, проживающих в сёлах Качарево и Глогонь (серб. Каčarevo, Glogonj) общины Панчево, Воеводина, Республика Сербия. В диалектных текстах отражены контактные явления, возникшие под влиянием мажоритарного сербского языка, а также смешение и переключение кода. Нарративы посвящены истории колонизации македонских семей в Воеводину по аграрной реформе в СФРЮ после Второй Мировой войны, укладу быта переселенческих семей, традициям, связанным с календарно-обрядовым циклом.

Ключевые слова: македонские диалекты, язковые контакты, смешение кода, переключение кода, Аграрная реформа СФРЮ, Воеводина, сербский язык, социолингвистика, миноритарные языки

В статье публикуются нарративы на македонском языке, записанные во время экспедиции 2023 года [Борисов, Кикило, Немчинов 2024] у информантов — представителей македонского меньшинства, проживающих в сёлах Качарево и Глогонь (серб. Kačarevo, Glogonj) общины Панчево, Воеводина, Республика Сербия. Данные населенные пункты входят в компактный ареал проживания македонского меньшинства, который сформировался после завершения процесса колонизации в результате Аграрной реформы СФРЮ в 1945–1948 гг. [Гаћеша 1984], когда население из малоземельных регионов Югославии (в том числе из НР Македонии) переселялось на территорию Воеводины после депортации немецких колонистов.

Первая группа информантов является потомками переселившихся по Аграрной реформе македонских семей. Они владеют идиолектом македонского, который использовался внутри семьи, дополнительно некоторые из информантов изучали основы литературного македонского языка в начальной школе. К первой группе относятся информанты Ж. П. и С. Н., которые родились и проживают в с. Качарево. Ж. П. — потомок пересе-

ленцев из с. Орешево и с. Богомила общины Велес, идиолект родителей относится к центральным говорам западномакедонского диалекта. Семья С.Н. родом из Крушева, их идиолект тоже принадлежит центральным македонским говорам. Также были сделаны записи нарративов македонских переселенцев более поздней волны — конца 1950-х — 1960-х гг., чьи семьи покидали НР Македонию по экономическим причинам. Эта группа информантов обычно оканчивала начальную/среднюю школу в НР Македонии и уже позднее переезжала в сербскоязычную среду, уверенно владея как родным македонским говором, так и литературным македонским языком (в разной степени). К данной группе относится информант В.М., проживающий в с. Глогонь, родом из с. Тумчевиште, Гостивар (гостиварские говоры западномакедонского диалекта). В нарративах информантов двух групп прослеживаются черты контактного влияния мажоритарного сербского языка, а также явления переключения кода.

Тематически нарративы посвящены истории переселения македонских семей в Воеводину (текст 1), передачи немецкого имущества новым хозяевам (текст 2), традиции наследования фамилий в македонских семьях (тексты 3, 4), македонским обычаям праздников календарно-обрядового цикла (текст 5). Ранее публиковались тексты македонских информантов-переселенцев в работе [Станковиќ 2018] на темы, раскрывающие детали уклада жизни македонцев в родных селах до колонизации в Воеводину.

Тексты набраны в предложенной автором фонетической транскрипции на основе македонской графики, отдельные знаки сербской кириллической графики (ћ, ѕ) используются в случаях смешения или переключения кода (такие места в тексте выделены жирным шрифтом). В тексте используются знаки препинания для облегчения чтения расшифровки. Многоточие указывает на паузу в речи информанта илиhesitation при подборе слова или фразы. Квадратные скобки обозначают пропущенную часть расшифровки (реплики интервьюера, комментарии третьих лиц) для связного представления нарратива по теме. Инициалы НМ обозначают вопросы или комментарии интервьюера.

Текст 1. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

История переселения семьи по Аграрной реформе

Часть 1

ЖП: Дојдени се значи дёдо ми, сёга збрувам по таткова фамилија. Значи, тогаш, значи јас сум после рођен, **кад су се запознале** татко ми и

мáјка ми óвдека работéјки, и дéдо Áрсо... Áрсо дéдото, тáтко ми Нíкола и стрíко ми Тráјко.

НМ: А кој ја добил куќата дедо ви или татко ви?

ЖП: Дéдо, дéдото... Дéдото дóбивал, па тóј бýл глáва на **порóдицата**, сéкаде... значи тóгаш дедóвците добýвале, не мóжеле... óвие бýле млади сýте лúѓево, ко нáшите тáтковци, тáтко ми бýл рóден двáесет и прáва гóдина, дóшол четириесет и шéста, тóј со двáесет и пéт гóдини и нé мóжел да добие кúќа áко эма тáтко жíв. **Нóсилац** на колонизáција, тáка се вýка. **Нóсилац**... нóсител на колонизáција.

НМ: И од кое село бил тој?

ЖП: Од Орéшево, од Вéлешка окóлија. Сéло Ореше, спрéз Богомила. **Јá нé знам** штó е, дáли тóа спрéз или шó е тóа, окóлија... **óвај**... вéлешка, **нé знам сад**... сега шо е тоа. Кáко се тýе тóгаш, кáко бýле тýе територијálни едýници, кáко бýле.

И после стрíко ми се врати. Кýпил плаќ во Бýтола. Бéше врвен мáјстор, бéше алáтничар. [...] А **тáка да** тáтко ми остана и дéдо ми останаа, во эиста кúќа живéевне тúка, на мéстово кáјшто базéонт бéше óндека.

Тúка бéше стáрата кúќа, дó неа тáтко ми ми прéпиша óваја половýна кúќа, дó тука бéше куќата ýште. И после ја тýрнавне куќата óти бéше постара и нé е тáка квáлитетна бéше, нéмаше мнóгу цýгли, óвде плýтари, óвде кéрпич кé бéше прáено **вýше** нéго óвде цýгли пéчени. И **тáка да** ја мóравме да ја тýрниме и тóгаш ја напрáвивне осýмдесет и прáва гóдина, осýмдесет втóра се всéливме во кúќава.

НМ: А со што се дојдени? Што донесоа?

ЖП: Со вóз. Со штó? Со нíшто. Со нéкое вáганче нéкое алúминиумско, нéкое **тáњир**, нéкое пáнцир, штó ние Охриѓани... **пошто мéђу нáма** го вýкаат пáнцир, не вýкаат тáњир нýти кáко, **нéго** пáнцир. Тéнцере, **шéрпа**. Нíшто нéмале óвај донéсено óтаде. Óвдека штó затéкнале во кúќава, затéкнале дóста.

Перевод:

ЖП: Приехали, значит, мой дед, я сейчас говорю о семье отца. Я родился уже потом, когда познакомились отец и мать, работали здесь, и дед Арсо... Дед Арсо, мой отец Никола и дядя Трайко.

НМ: А кто получил дом — ваш дедушка или отец?

ЖП: Дед, дед... Дед получал, ведь он был главой семьи, всегда... значит, тогда деды получали, не могли... остальные еще были очень молоды, как мой отец, он родился в двадцать первом году, приехал в сорок

шестом, а в двадцать пять лет он и не мог получить дом, если его отец жив. «Носитель права» колонизации, так их называют. «Носитель права» колонизации.

НМ: Из какого села он был родом?

ЖП: Из Орешево, из округа Велес. Село Ореше, район Богомилы. Я не знаю, как его, район или по-другому назвать, округ... ну... Велес, не знаю сейчас... что это сейчас. Каких тогда, какими были территориальные единицы, каких.

И потом мой дядя вернулся. Купил участок в Битоле. Он был талантливым мастером, слесарь, работал с инструментами. [...] А вот мой отец и дед остались, в том же доме жили здесь, на месте, где был бассейн.

Здесь был старый дом, рядом с ним отец определил мне эту половину дома, вот досюда дом был. И потом мы снесли дом, потому что он уже был старым и никуда не годился, кирпичей почти не было, все больше саманы здесь, кирпич-сырец тут больше делали, чем обожженный кирпич. Поэтому мы должны были снести дом и построить новый в восемьдесят первом, в восемьдесят втором мы переехали в него.

НМ: А как приехали ваши? Что привезли с собой?

ЖП: На поезде. Что с собой? Ничего. Может, миски какие алюминиевые, тарелку, «панцир», как у нас охридские говорят... потому что мы между собой говорим «панцир», не говорим «тарелка», никак иначе, а «панцир». Кастрюлю, сотейник. Ничего они не привезли с собой оттуда. Что здесь застали в доме, а осталось им много чего.

Часть 2

НМ: А зошто одлучија да се преселат тука?

ЖП: Па кáко и сýте тóгаш от цéла Југославија било, сéпак тóгаш се нýдело нéшто побeќе. Се нýдело. Тáму й́сто имало мнóгу... бýле гóлеми фамилиji тáму. Сéкоја фамилија тóгаш во тóа имала по пéт-шéст дéца. И штó ќе прáви тóј тáтко, кáј, кáко ќе го дéли, кáко ќе го прáви тóа, нé може да останат, трéба да им обéзбеди, ёден сýн, втóри син, трéти син, кéрка, вáму тáму. И тóгаш кó се вршело тóа, тóа се вýкало «агитáција», убедýвање нeli, пропагýрање на тóа зошто е тóа дóбро. Дéка ќе дóбијат кýки, й́сто станýваат **автомáтски** сопствéници на кýките или **влáсници**, и добýваат по ёден лáнец зéмја.

НМ: Каде беше земјата? Тука или каде?

ЖП: Не, не, **вáн** сéлото... вóн сéлото, óколо. Óвде сéкој дóбил нéкоја **покýкнина**. Éве, на прýмер нíе сéга наáшиов пláц, од ýлица од сýдон,

до... ёне тўка се глёда ёдна жица понатака има **иза купусов** овде блиску, тóа се четириесет метра. Кáј Сýме плацот осумдесет метра **дўгачок**. Тие тákа бýле, óвде тие се најгóлеми плацови, осумдесет-девéесет метра. Тие Германци го напрáиле тóа тákа и тóа тákа останато е.

[...] (Земјата) Дóбива тóј стáриот нóсителот на колонизáцијата, ја дóбива зéмјата и сéга кáј имало слóбодни. Тóј дóбил, на прýмер... во околíната **прéма** Пáнчево, **прéма** Jáбука, **прéма** Ковáчица, **прéма** таму Црéпаја, па вáму **прéма** Нóво Сéло, **прéма** Румýнија. Знáчи тóа е нашиот áтар. Тóа се вýка áтар. Тўка се добýвала зéмјата. Рéтко кóј чóвек тóгаш мóжел да ја ráботи тáја зéмја óти тóј óвдека дошол со гóли раце. Тóј нéмал ни мотíка, нéмал нíшто, знáчи, тој мóрал да кўпи. А óвдешна зéмја тý нé можеш да ја ráботиш со мотíка, **то је гóлема поврšíна**.

Тý во Македóнија нé можеш, рéтко кóј има толкáви **пovршíни** до-бýено зéмја да мóже да ја обрабóтува со мотíка. **Тáка да...** нé можеш да рéчеш **вéñína**, áма **јá** мýслам **скóро** сýте ја дáвале зéмјата во зáдруга. И тие тákа станúвале члéнови, се вработýвале во задrúгата. Им **тéкол** и стáжот, си имале стáж **прéко** петнáесет гóдини кóј имал. А зéмјата ја корýстела задrúгата и дávala нéкоја **нáкнада**, нéкоја réнта, тóа се вýка, дáваа рента за тóа штó ја ráботат твóјата зéмја.

И по нéкое врéме после десéтина, двáесет гóдини лўгево **се оса-мосталúваа**, станúваа мálце гáзди, доáгаа до нéкои páри, мóжеа да кўпят и трáктор или коњи. И тákа си ја почнале да ја ráботат зéмјата и ја повлекýвале. И тóгаш óди во задrúгата и на сéкretáрот или на дирéкторот му вýка: сáкам да ја повлечам мóјата зemја. [...] Знáчи тóгаш се повлекýвала зéмјата и не си мóрал да ја повлечеш сéта, кóлку сáкаш. Мóжам да ти рéчам за тóа, имаш тóлку páри да дóбиеш, тý си задóволен или нé си задóволен, тóлку бýла да нé речам тарíфа áли тóлку процéниле, нíкој нé може да нáтера задrúгата да ја прóдава поéвтино или поскапо. Тóлку тие мýслат дéка чýни тáа зéмја, тóлку ти дáват páри.

Перевод:

НМ: А почему они решили переселиться сюда?

ЖП: Ну, как и все тогда, со всей Югославии, все-таки тогда предлагали больше, чем имелось у них. Предлагали. Там же у них было много... большие семьи были. В каждой семье было по пять-шесть детей. И что будет делать отец, куда, как делить, что делать, не могли оставаться, нужно было всем что-то дать, одному сыну, второму, третьему, дочери

и так далее. И когда все это происходило, оно называлось «агитация», убеждение, ну, пропаганда, которая говорила, почему это хорошо. Что они получат дома, еще автоматически станут собственниками этих домов или владельцами, а также получат по куску земли.

НМ: А где была земля? Здесь или дальше?

ЖП: Нет, нет, за селом... за селом, рядом. Тут каждый получил вполне приличный участок. Вот, например, у нас наш участок, от той улицы, от той стены до... вон тут виднеется проволока, в ту сторону за капустой, вот тут недалеко, это сорок метров. У Симы участок восемьдесят метров в длину. Такие они были, здесь самые большие участки, восемьдесят-девяносто метров. Это немцы так распределили, так и осталось.

(Землю) получал самый старший (в семье) по праву колонизации, получал землю там, где были свободные участки. Он получил, к примеру, там, в сторону Панчева, Ябуки, в сторону Ковачицы, к Црепае, или туда, к Ново Селу, ближе к Румынии. Значит, это были наши земельные владения. Так выдавали землю. Мало кто эту землю мог обрабатывать, потому что приехали сюда все с пустыми руками. Не было ни мотыги, ничего не было, нужно было купить где-то. А здешнюю землю ты не можешь обрабатывать мотыгой, большие площади.

Ты в Македонии не можешь, мало у кого было столько земли, и обрабатывать ее мотыгой. Поэтому... не могу сказать, что большинство, но я думаю, почти все отдавали землю в кооперативы. И так становились членами кооперативов, получали там работу. Даже стаж у них шел, у кого-то было и больше пятнадцати лет стажа. А участки использовал кооператив, за это он давал денежное возмещение, ренту, так сказать, платил ренту за работу на твоей земле.

И через какое-то время, через десять, двадцать лет люди становились на ноги, чуть почувствовали себя хозяевами, появились кое-какие деньги, они могли купить трактор или коней. И так вот они начинали обрабатывать землю, забирали ее назад. Тогда нужно пойти в кооператив и сказать секретарю или директору: хочу забрать назад свою землю. [...] Так забирали участки назад, и ты не должен был забирать все, сколько тебе хотелось. Я могу тебе сказать, вот столько денег получишь, ты доволен или нет, вот столько составлял, как бы сказать, тариф, вот во столько землю оценили, никто не мог заставить кооператив продать землю дешевле или дороже. Вот сколько они думают, что стоит земля, столько денег они тебе за нее давали.

Текст 2. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия); С.Н. (род. 1953 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

О том, как заселялись немецкие дома в Воеводине

ЖП: Тие нёмци што бýле óвдека по кўкиве, тие доаѓале óвдека... Кó се распоредувале, сýте сме дошле, сýте на стáница. Ги дочéкале од мёсниот óдбор. Ги дочéкале сýте тие од вóзот, ги довеле пред мёстна **заéдница**, пред цéнтар на **тргон**, кáјшто е пáзарон, кáјшто е стокóвната кўка. Ги довеле тýка. И сéга се óбраќа тóј чóвек и вýка «добродóши...» [...] И тóј вýка вáка сéга. Тóј чýта. Дóнчевски Дóнчо. И се jáви. Тý имаш двáесет и пéт члéна. Тý óдиш во тáја кўка тáму и го вóдат. Тý, Јакимóвска, откáј си тý, от Крýва Пáланка сýм дојдена. Кóлку **vas** има? Има за тринаесет. Тý óдиш во Бóсанска. Тóгаш нé било **улице Бóсанске**. Нéмало имиња. Тó посли ги добијале имињата. [...] И **óвај** доаѓа и сéга влéгува во кўка. Влéгува во кўка во кóја се пúши рúчекот, сýпа се пúши. Вýка «Сýктер нáдвор».

СН: Тýка бýле значи Германците, уште сéделе.

ЖП: Фамилија сéди. И доаѓаат óвие лúѓе од мёсниот óдбор со полицијáци, со милицијáци. Тие останувале тýка.

СН: Жéни и дéца останале. Сáмо мáшки нé биле тýка. Стáрци. **Свé** врéме бýле тýка, посли во éден лóгор. [...]

ЖП: Сáкам да рéчам етé кáко дóшол до тóа. И тóј ко дóшол во тáја кўка која е... Óнаа кўкана в сéло тáму во Прýлепско во Дéсово ни копи... ни кáпија има, ни врáта има, зéмја насéкаде, има éдно мáгаре, нé знам што óни имале тáму зéмја, нé знам кóлку, со што рабóтеле. И дóшол óвдека на кўка, óгромна кўка, знáчи со пáтоси, со сијáлица внатрé, ко вýделе сијáлица гóри, лúѓево не знаелe, дýвале во сијалíциве да ја угáсат, не знаелe. Па нé се заебáнции сéа тóа. Па нé се заебáнции, те тие го кóрнеле пáтосот, го лóжеле. Научени се в сéло, тáму кајшто живéеле, в сéло се лóжи. [...]

И на óвие им рéкле да се собéрете и одýте сéга, во лóгор ги вóдат. На тóа мéсто доаѓа сéга дéдо ми и дéдо ми кóј бýло што со фамилија стýга, што да прáви сéга, тý глéдаш кáко е намéстено свé. [...] Али нéколку генерáции имат тýка живéено, има тие свóи заостáвшини нéкои, и кó дóшол сéга нéкој од тáму, отаде од **Сабýрниот цéнтар** кáјшто бýл лóгорот, вýка «гáзди, гáзди». Дéдо ми... Дéдо ми нé можел да се пóмири со тóа, нé. Дéдо ми од тáтко ми тáтково, нéго во дрýга кўка тáму, óваа кўка тóј ја наследил óвдека, а óнаа кўка тáму што бýла, тáја голéмата

кўка, тάму дёагал, óвај, тóј нéкој, и бáрал, вíка, «гáзди». Дéдо ми го бýло срámota и нé можел да се jáви, нíкогаш не излéгувал да се jáви да вíди штó бáра, вíкал «Дéца, дáјте им сé штó бáраат, óва нé е нíшто нáше, óва е зéмено, óва е, рéче, прокóлнати сме, óва е прóклето. И óдиме дóма, já óвдека не останúвам. Кóј сáка со мéне да се вráкame за Македóнија. Кáко мóжкам já да бýдам гáзда, глéдај штó е гáзда, кákva кўка, палáта», ма не двóр, сáрај бýло тóа прéма нívnите кўки.

СН: А нé се... не ráботел за нéа.

ЖП: А, нíшто не ráботел, дá. Зáтоа му бýло срámota, му бýло «кáко já да бýдам гáзда на óва, сýм го óтерал, вíка, сýм го кréл чóвек од jáдење, фамилијата, дéца сýм ги дíгнал! Jádat сýпа, jádat мánца, и ги собýрало и нáдвор. И óвие, вíка, дéца, já óдам. Кóј сáка?»

И тákа да се вráтиле мóи вýковци, трý чéтири вýковци, вýко Вláдо, вýко Љýбе, тéтка Лéнка, вýко Tóме, се вráтиле сýте, нéма ги тýка. Вíка, óвдека нéма срéка, вíка, нíкогаш нéма да бýдеме мýрни, óва е прóклето. И штó мýслиш сéга, nác да е нéкој вákа, да дóјде да нé ýстера óд дома. И тý да сéдиш... káj ké óдиме, штó ké правиме, тákа и óвај, штó ké прáви сéга, и нé може, вýко не се póмирил со тóа, овáј, дéдо ми не се póмирил со тóа и се вráтил.

Перевод:

ЖП: Эти немцы, что жили здесь в домах, приходили сюда (в дом)... Когда проходило распределение, мы все приехали, все на станции. Их встретили из местной администрации. Встретили всех, кто сошел с поезда, их привели к зданию администрации, центр площади, туда, где рынок, где торговый дом. Их привели туда. И тут к ним обращается человек и говорит «добро пожаловать...» [...] И он им говорит следующее. Читает. Дончевски Дончо. Отозвался. У тебя двадцать пять членов семьи. Ты идешь в вот этот дом — и его уводят. Ти, Якимовска, откуда ты, из Крива Паланки приехала. Сколько вас? Тринадцать. Ты пойдешь на Босанскую. Тогда еще не было улицы Босанская. Не было названий. Потом уже они получали названия. [...] И вот он приходит, вот входит в дом. Входит в дом, в котором еще обед горячий, над супом пар. И говорит «Вон на улицу».

СН: Значит, тут немцы были, еще жили.

ЖП: Сидит семья. И приходят те люди из администрации с полицией, с милицией. Они оставались здесь.

СН: Женщины и дети остались. А мужчин не было. Старики. Они все время были здесь, потом их в лагерь. [...]

ЖП: Я хочу сказать, что случилось. И он, когда пришел в дом, который... В нашем доме на селе в Прилепском крае в Десово ни ворот, ни дверей, кругом земля (земляной пол), был один ослик, не знаю, сколько земли им принадлежало, не знаю, сколько, как они ее обрабатывали. И тут он приходит в дом, огромный дом с паркетом, с лампами внутри, когда они увидели лампочку, как она горит, люди не знали, дули на нее, чтобы погасить, не понимали. Я не шучу. На полном серьезе, они отрывали паркет, топили им дом. Как в своем селе, где они жили раньше, в селе топят дом. [...]

И тут им сказали собраться и уходить немедленно, их ведут в лагерь. А на их место приходит мой дед и его дед, приехали с семьями, что же делать, видишь, как тут все устроено. [...] Но тут уже жило несколько поколений, тут их вещи, и вот эти люди приходят из Пункта сбора, оттуда, где был лагерь, говорят «хозяева, хозяева». Мой дед... Мой дед не мог смириться с этим, нет. Мой дед, отец моего отца, он был в другом доме там, этот же дом он унаследовал, а тот дом, что стоял раньше, в тот огромный дом приходил человек и говорил «хозяева». Моему деду было стыдно, и он не мог выйти на оклик, никогда не выходил посмотреть, чего он хотел, говорил: «Дети, отдайте им все, что они просят, здесь нет ничего нашего, это все чужое, оно, говорит, все проклято, и мы прокляты. Мы едем домой, я тут не останусь. Кто хочет, давайте вернемся в Македонию. Какой я хозяин, ты посмотри, что такое хозяин, какой тут дом, тут дворец», дворцовые палаты были по сравнению с их прежними домами.

СН: А он этот дом не заработал.

ЖП: Да, получил даром. Поэтому он сгорал со стыда, он говорил: «Как мне быть хозяином всего этого, я выдворил человека, — говорит, — я оторвал его от обеда, его семью, детей поднял! Они едят суп, суп едят, а их выгоняют вон. Дети, я уезжаю. Кто со мной?»

И вот так вернулись мои дяди, три, четыре человека, дядя Владо, дядя Любен, тетя Ленка, дядя Томе, все вернулись, нет их здесь. Он говорил, здесь нет счастья, говорил, никогда мы не найдем здесь мира, все проклято. И только представь, нас бы кто-то так, пришел бы и выгнал из дома. И ты сидишь... куда нам, что нам делать, вот и он так же себя чувствует, что ему делать, и все тут, дядя не смирился, дед мой тоже не смирился и вернулся.

Текст 3. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия); С.Н. (род. 1953 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

О передаче фамилии в македонских селах

НМ: Значи немало извод од матична книга.

ЖП: Да, эмале црквени... црковни крштёници. И сéга во архíвот во мéснава зáедница постóи досиé, сéкој тóј кóј е дóјден, эмаат эзводи донéсено. Jác тáму вíдов и од мáјка ми, и од тáтко ми, и од дéдо Áрсо. Зnáчи во эзводи пíшуша Пéтков. А нé знам, дáли сте зборúвале на тéма кáко се прaвéло презíмето? Зnáчи по дéдо се добíвало. Зnáчи мóј дéдо Áрсо. Нéгóвиот дéдо се вíкал Áрсо. И тóј по дéдо му се прéзива Áрсовски. Бýло Áрсов, па после кóа Македóнија е влéзена во репúблика, во сóставна Југослáвија, тóгаш го дóбиле и тóа «ски». И тóј остáнува Áрсовски. Тáтко ми се прéзива сéга Пéтковски, а дéдо бил Áрсов. А тáтко ми бýл Пéтков Нýкола, óти дéдо ми на тáтко ми бил Пéтко.

СН: По дéдо се сменúвало.

ЖП: Зnáчи сéкоја наредна генерáција дóбива прéзиме по... Зnáчи, тáтко ми, ко дóбил... Зnáчи, тóј нé може да се прéзива Áрсов нéго по тáтко ми на Áрсо, а тáтко ми на Áрсо бил Пéтко и зáтоа тáтко ми се прéзива Пéтко, Пéтковски.

Нíе би трéбало сéга да бýдеме Áрсовски áли со тóа фáла бóгу да се зáврши. Фáла бóгу да се зáврши со нáшава генерáција óти изгúбивне вíше идентитéт, изгúбивне кóрен, не знаевне кóј сме, откáј сме. Тý во ёдно сéмејство мóже да эмаш.. а плúс што тóа нé было тáка разvíено, эпак óва бýла сиромашна зéмја и нéмало ни мnóго пíсмени лúѓе, эмало по црквите нéшто лúѓево, сéга óдиш... óди тáтко ви да ве пријави вас, мéне, нéго да пријави. И «кáј óдиш, Нýкола?», «бóдам да го пријавам Жýвко да го..», «áјде упíши го и моја».

Перевод:

НМ: Значит, не было свидетельства о рождении, записей о нем в книгах.

ЖП: Да, были церковные... церковные книги. И сейчас в архиве в местной администрации есть записи, все, кто приезжал, получал даты рождения. Я там видел записи и о матери, и об отце, и о деде Арсо. В книгах значилось Петков. А я не знаю, вы вообще говорили на тему, как передавались фамилии? Значит, давались они по дедушке. Значит, мой дед Арсо. И его деда звали Арсо. И по деду его фамилия значилась Ар-

совски. Был Арсов, потом, когда Македония вошла в состав республики, в состав Югославии, тогда получили это «ски». И он стал Арсовски. Фамилия отца сейчас Петковски, а фамилия деда — Арсов. А отца звали Петков Никола, потому что деда отца звали Петко.

СН: Фамилия менялась по деду.

ЖП: Значит, каждое следующее поколение получает фамилию по... Значит, мой отец, когда получил... Получается, он не может зваться Арсов, а должен по отцу Арсов, а отца Арсо звали Петко, поэтому фамилия моего отца — Петко, Петковски.

Сейчас мы бы должны были носить фамилию Арсовски, но с этим слава богу покончено. Слава богу покончено, на нашем поколении, потому что мы уже потеряли свою идентичность, потеряли свои корни, мы не знали, кто мы, откуда мы. Ты в одной семье можешь... а еще к тому же места были заброшенными, все-таки страна была бедной, мало грамотных людей, были по церквам некоторые (грамотные священники), и вот идешь... идет ваш отец записать вас в церковную книгу, меня, его записать. И «А ты куда, Никола?» — «Иду записать Живко». — «А запиши и мою».

Текст 4. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия); С.Н. (род. 1953 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

Именование жены по имени мужа

ЖП: Já невéста си ја вýкам. Káj си бе, нéвеста, réков. На макéдонски тákа се вýка. Káj нас во krájot, móже да né e níz céla Македónија, жéниве kó kó се májеле во nékoja kýka,

tája óttogash né се вика по своéто íме, míslam ónaka, во... cámо mégyu lúyéto во фамилијата.

СН: Симéјца.

ЖП: Níkoj ne ја вýка wíše Ráda. Líља négova ја вýкаат Симóјца эли Симéјца. Ráda mója e Живkóјца.

СН: По máж.

ЖП: Májka mi béše Nikóliça. Pa Drágiça се вýкаше májka mi, по tátko mi се вýка Nikóliça. И жéните tákа ги вýкале. Зnáchi во фамилијата.

СН: И «нéвеста». Dédo mi... Dédo mi... **извýни, мóлим te.** Móram da go spómnam. Dédo mi Básile do kráj: «Névesta», mója majka, kója... tákа се смéеше. **Шездéсет** години.

ЖП: Aха, pómłada býla ód него.

СН: Шéесет гóдини, тáј ја вýкаше «нéвеста». И «до кога Ѹе бидам невеста»? Така се шегúваа, **мислим**, вака. «Нéвесто», па «Симéјце», па «Најдóјце», па «Благóјце».

ЖП: Тóа е дóказ дéка е снајата во тáја кýка.

НМ: Ама во Србија тоа не е традиција?

ЖП: Нé е.

СН: **Já** да ти рéчам. Во Крúшево се слúчува, од óвој штóти ѿмре шкóлскиот, ми пúшија да óднесам во Крúшево, ráзбраа **да** óдам тáму и, єве ти, вéли, шéкер и кáфе да óднесеш на мáјка ми. Дóаѓам **já** во Крúшево тáму и ја бáрам, нé знам кáко се вика. Нíкој нé знае, ама дóјдов вáка, и нíкој нé знае, нíкој нé знае. Ми тéкна кáко мáж се вýка, Андóница. «Па штó не збóриш Андóница? Тýка е!» Сýте, нíкој **нé зна**! Пáзи, жéна кóја стáра **педéсет шездéсет** гóдини, óколу нíкој нé знае кáко... Зáга, мýслам. Нé, Андóница, по мáж, нíкој **ja нé знае**. Тóа за Крúшево ти збóрам.

Перевод:

ЖП: Я ее зову «невеста¹». Как ты, невеста, сказал. По-македонски так говорится. У нас в крае, может, это не всюду в Македонии, женщины, когда выходят замуж в чужой дом, с тех пор ее не называют прежним именем, думаю, ну, так, среди своих внутри семьи.

СН: Симейца.

ЖП: Ее больше никто не называет Радой. Его Лилю зовут Симойца или Симейца. Моя Рада — Живкойца.

СН: По мужу.

ЖП: Моя мать была Николица. А так мою мать звали Драгица, но по имени отца — Николица. Так называли женщин. В семье.

СН: И «невеста». Мой дед... Мой дед... извини, пожалуйста. Я должен тут его вспомнить. Мой дед Василе до последнего: «Невеста» — моей матери, которая... она смеялась. Шестьдесят лет.

ЖП: Ага, была моложе его.

СН: Шестьдесят лет, он ее звал «невеста». И «до каких пор я буду невеста?». Они так шутили, имею в виду. «Невеста», «Симейце»², «Найдóјце», «Благóјце».

ЖП: Доказательство, что она сноха в доме.

НМ: В Сербии так не принято?

¹ *Невеста* — молодуха, жена.

² Указывается звательная форма на *-e*.

ЖП: Нет.

СН: Я тебе скажу. В Крушеве было дело, от того твоего школьного приятеля, который уже умер, мне поручили отвезти кое-что в Крушево, они узнали, что я еду туда, и вот тебе, говорит, сахар и кофе, отвезешь моей матери. Приезжаю я в Крушево и ищу ее, не знаю, как ее зовут. И ее никто не знает, я приехал, а никто не знает, никто не знает. Я вспомнил, как зовут ее мужа, Андоница. «А что ж ты сразу не сказал Андоница? Тут она!» Все, никто не знает! Подумай, женщина, пятьдесят-шестьдесят лет, а ее никто не знает (по имени), как... Зага, кажется. Нет, Андоница, по мужу, никто не знает. Это я о Крушеве говорю.

Текст 5. В.М. (род. 1951 г., с. Глогонь, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

**Традиции родного села Тумчевиште (Гостивар),
связанные с календарным циклом**

ВМ: Бóжиќ, Вéлигден, Свéти Јóван и тóа. Свéти Јóван нíј бéше се-оска слава. Се óди во цркva, эма двá кúма, кúм знаéш штó е? Двá кúма, преузыма кúмство, значи, двá кúма за Свéти Јóван, прéдава кúмство, а дрúги, нóви кúмови, преузымаат. И óнда ё се соблечат до пола и пóп фрльат крст во вóда. И тóј трéбит со јéдан дóдир вáко, нé да го бáрат крстот. Тý се вíди, чýста вóда тóлку, свé се вíди, сóлза. И трéби да го фáти крстот и óнда ё бýдит бéрикéтна гóдина, па óнда пúшки фрлање, па óво. [...] И онда се оди дóколу цркva и се пéат да се рóдит вíно, жýто, мýшка дéца, óно се пéат. И óнда цéло сéло мýзика свýри тáму и свé се jáди. Jáдење, тáму méко, пýфтије, тáму ёдно дрúго. И се пíјат кув... вárена ракија, сáкам да збóрам макéдонски. Вárена ракија се. И óнда флáшица мáла или чáша, óдиш на кáзан и тý ja со кúтлача óп, ёти стáват. И дéца ми, мáло, помáло ти стáват. Нé е тоа jáка ракија мноѓу, а слáтка, кúвана. И тáка. И óнда цéл дéн мýзика свýрит, гóсти ђдат на... Тоа е највесéлији дан и Бóжиќ највесéлији дáн.

А Бóжиќ нá вече уóчи Бóжиќ, нéшто е кéстен... кóштан. Се вáрат кóштани и óнда се ýзме кáнапи и избóцкај си и напráви ти нíза кáо óгрилица од кóштани. А тóа и на сабáјле рáно, дéца, ђдеш код пријатеља, код... эмам... эмав já стрýко, кýка до кýка, стрýко. И óдиш и дóбиеш пóклони. Значи, já кај стрýко ми óдам, а и тóј ёти ми дáјит мéне и стрýна ми эсто нíзарче кóштани прéко глáве. Пéт, шéст, дéсет кóштани, овáко, свé. И óдиш дóма, после си jáдиш вárено.

HM: Тóа е бáш за Бóжиќ?

BM: Да, да, да. Тóа е óбичај кáј нас. А за Вéлигден, нáвечер, кáпење **обавезно кўпање**, мали дéца да се кáпат, и óнда ёдно jáјце вáрено, со кóнец и со **штáп**, и тý... óнда збóриш на макéдонски **тáмо**, за óно за óво, за бéрикéт да бáйт, и **они га мрдају jáje, али нé сме се са рýке**. [...] И им е **рýке** позáди, и кóј кé го увáти jáje со уста...

HM: А како се вика тaa игра?

BM: Нé знам. Нé знам, **не мóгу**... не се сéкавам. Тóа е óбичај пред **Ускрс**. Jáјци, али со зáби да го фáтиш, со ýста, а не **со рýке... ráке**. И **кáо** тóа е срéка. Тóа е нáродно верúвање.

И **онда** мýзика свíра, цéло сéло **йзлази**, тóа вíка «гýмно», тáму се вíка, кáј се йгра тáму, мýзика се свíри. И мали, стáро, младо, свíте у **кóло се фáтат**. Цéл дéн мýзика трéшти. А тóа е стáринска мýзика, **зúрле**. **Зúрле и тупáнове**. Дýм-дýм. Тýрци. Тýрци ймат свíрено áма во нáшето сéло нéма ни рóм, нéма шíптар, нéма тýрчин, чýсто ётничко сéло.

Перевод:

BM: Рождество, Пасха, Крещение и так далее. День Святого Иоанна был нашей сельской славой. Ходили в церковь, есть два кума, знаешь, что такое кум? Два кума, перенимают кумовство, значит, два кума на Святого Иоанна, передает кумовство, а другие, новые кумовья, его перенимают. И вот они разденутся до пояса, а священник кидает крест в воду. И он должен вот так, одним движением руки, а не искать крест. Все видно, вода прозрачная, все видно, слеза. И должен он схватить крест, и тогда будет счастливый год, потом пальба из ружей. [...] И потом идут вокруг церкви и поют молебны, чтобы был урожай и винограда, и жита, чтобы рождались мальчики, об этом молят. И тогда музыка во всем селе играет и все едят. Еда всякая, там мясо, студень, чего только нет. И пьют горячую ракию, я хочу сказать на македонском. Горячая ракия. И вот одну малень-кую бутылочку или стопку, идешь к котелку и тебе ее черпаком оп, наливают. Даже детям по чуть-чуть наливают. Эта ракия не очень крепкая, сладкая, горячая. Вот так. И вот весь день играет музыка, гости идут на... Это самый радостный день, и Рождество тоже самый радостный день.

А в Рождество, в день перед Рождеством, каштаны... каштаны. Варятся каштаны, берутся нитки, нанизываются (каштаны) на них, делай в ряд как ожерелье из каштанов. А рано утром, дети, идешь к друзьям... у меня есть... был дядя, жили дом к дому, дядя. И ты идешь и получаешь подарки. Значит, я иду к своему дяде, а он мне дает, а еще моя тетя тоже

дает ожерелье из каштанов, продевает через голову. Пять, шесть, десять каштанов, вот так все. И ты идешь домой, потом ешь их, вареные.

НМ: Это прямо на Рождество?

ВМ: Да, да, да. Такой был у нас обычай. А на Пасху вечером обязательно надо искупаться, маленьких детей купают, а потом — вареное яйцо, с ниткой и палкой, и ты... тогда приговариваешь на македонском, того и того желаю, счастье пусть будет, и они раскачивают яйцо, но руками его нельзя. [...] А руки у них за спиной, и кто ухватит яйцо ртом...

НМ: А как называется эта игра?

ВМ: Не знаю. Не знаю, не могу... не помню. Это был обычай перед Пасхой. Яйца, но должен схватить его зубами, ртом, не руками... руками. И тогда будет удача. Это народное поверье.

И вот играет музыка, все село выходит во двор, называется «гумно», так называется, там пляшут, музыка звучит. И млад, и стар, все встают в коло. Весь день музыка гремит. И старая музыка, на зурлах. Зурлы и барабаны. Дум-дум. Турки. Турки играли на них, но в нашем селе нет ни цыган, ни албанцев, ни турок, этнически чистое село.

Литература

- Борисов, Кикило, Немчинов 2024 — *С. А. Борисов, Н. И. Кикило, В. А. Немчинов*
Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 85–100.
- Гаћеша 1984 — *Н. Гаћеша*. Аграрна реформа и колонизација у Југославији, 1945–1948. Нови Сад, 1984.
- Станковиќ 2018 — *С. Станковиќ*. Општи осврт врз виталноста на македонските преселенички говори во јужен Банат // Минатото на јазичниот свет — денес и утре: зборник на трудови од Меѓународната научна конференција «Минатото на јазичниот свет — денес и утре» одржана на 15 и на 16 ноември 2017 година, во Институтот за македонски јазик “Крсте Мисирков”. Скопје, 2018. С. 243–266.

Summary*Natalia I. Muravleva***Samples of the dialect of Macedonian settlers in the Southern Banat of the Republic of Serbia, the villages of Kacharevo and Glogonj, the municipality of Panchevo**

This paper presents a collection of narratives recorded in Macedonian dialects during a 2023 field research expedition (Borisov, Kikilo, Nemchinov 2024). The narratives were gathered from informants belonging to the Macedonian minority residing in the villages of Kačarevo and Glogonj, located within the Pančevo municipality of Vojvodina, Republic of Serbia. Analysis of these dialectal texts reveals contact phenomena stemming from the influence of the dominant Serbian language, including instances of code-mixing and code-switching. The narratives primarily focus on the history of Macedonian families' resettlement in Vojvodina following the post-World War II Agrarian reform implemented in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Furthermore, they document aspects of the daily life and cultural traditions of these resettled families, with particular emphasis on customs related to the annual cycle of ritual practices.

Keywords: Macedonian dialects, contact linguistics, code-mixing, code-switching, Agrarian Reform SFRY, Vojvodina, Serbian language, sociolinguistics, minority languages